

Татьяна Твердохлебова

Родилась в Кемерове. Окончила Кемеровский медицинский институт. Работает офтальмологом. С 1992 года занималась в литературной студии «Свеча» под руководством Т. Рубцовой. Публиковалась в поэтических сборниках «Пожалей всех птиц влюблённых», «Семиветрие», неоднократно – в журнале «Огни Кузбасса», альманахах «Образ», «Кольчугинская осень». Награждена литературной премией журнала «Огни Кузбасса» за лучшую публикацию 2018 года в разделе «Проза».

Гитлер овец

В один из прекрасных апрельских выходных нам с мужем удалось улизнуть из городского карантина на заимку в районе. Мы наслаждались солнцем, пейзажами, убегающими назад за окном машины, а главное, свободой от домашнего заключения. В городе снег оставался в виде грязных островков. За городом же синеватый снег широко раскинулся на полях и в лесу. Он казался слежавшимся пуховым покрывалом, побитым молью капли и весенних дождей. На проталинах желтели солнышками первоцветы. В лесу ощущался едва уловимый аромат талого снега, прошлогодней прелой травы и свежего берёзового сока. На глубоком снегу виднелись следы тяжёлого лося.

Пётр Николаевич (местный егерь) оказался крепким, загоревшим под апрельским солнцем немолодым мужчиной. Он проводил нас в гостевой домик и заторопился по своим делам.

У крыши слышалось многоголосое мощное жужжание, словно в улье. На кирпичной стене грелось множество мух. Шмель покружил вокруг моей синей куртки. Обманувшийся в своих надеждах, он улетел с обиженным гудением. Две юные пёстрые бабочки разучивали в воздухе польку. Пруд напротив домика был покрыт слоем подтаивающего рафинированного льда. Бежевые козы Николаевича с саблевидными рогами неспешно бродили по проталинам в поисках свежей травы. В воздухе царил миротворение.

За обедом из стейков мы поздравили друг друга с вызволением из домашнего заточения, сдвинув кружки с морсом. К обеду подоспел егерь с угощением. Угощал Николаевич берёзовым соком и байками из своей жизни. В начале рыбачки делились воспоминаниями о добытых трофеях. Потом, заметив, что я заскучала, мужчина перешёл на интересующую всех тему детей.

– Не услышал, как тебя зовут. Наташа? Так у вас сын? У меня двое. Вот такая история с младшим была. В классе третьем Васятка учился. Уроки делал. Чёрт его знает, как их учат, или сами, балбесы, ничего знать не хотят. Спрашивает: «Пап, а кто такой Гитлер овец?» «Ну-ка иди сюда, сынок!» – говорю. И в окно ему на барана нашего показываю. «Вот, – говорю, – Васёк, Гитлер овец! А в учебнике про гитлеровцев пишут!» Ну пошутил, а за бараном так и закрепилась кличка – Гитлер овец. Хотя на самом деле никакой он не Гитлер был, а очень спокойный баран, инфантильный. Но кое-кто, – Николаевич хитро подмигнул, – этим пользовался

– Никак овцы? – поинтересовалась я.

– А вот я тебе расскажу! – продолжил мужчина. – У нас же огород есть. Понимаете вы, как обидно, когда то, что посеяно и выращено, оказывается изгажено каким-нибудь козлом? Мы с Любой в толк взять не могли, как он попадает в огород. Вроде всё запрём, никакой щёлочки не оставим. Забор крепкий, высокий. Но, что ни утро, козёл Федька по огороду шастает.

И вот как-то подсмотрел я, в чём дело. Проснулся раненько. Стоял, покуривал себе в окошко, пока жена не видит. Смотрю, Федька, стервец, Гитлера нашего рогами к забору двигает. Знаешь, как бульдозер. К забору его подпёр. Тому хоть бы хны. Стоит, куда поставили. А козёл разбегаётся и с опорой на барана перемахнул в огород! Язви ж твою душу, мать! Я чуть бычок от удивления не проглотил! – Николаевич округлил карие глаза, изобразив тогдашнее удивление.

– Представьте, наш Гитлер как спортивный снаряд для него! Спроси – кто из них вместо козла?! Так, слышь, это ведь нужно было не только сообразить, кого как использовать, но ещё дальность разбега рассчитать. Ну Федька! А я к барану: «Как же так, – говорю, – ты позволяешь всяким козлам скакать по тебе?! Ты ж Гитлер!» А он смотрит

на меня, молчит. Инфантильный, одним словом. Пришлось их изолировать друг от друга. Чтоб огород целее был, – ухмыльнулся мужчина.

– Да-а-а, добрый был баран, ручной... Писатель А., кстати, любил его. Ну писатель! Сергей А.! Ну вы его знаете! Из Москвы. Ну? Член Союза писателей!

Мы не знали.

– Да я вам книгу его покажу с автографом! – горячился наш знакомый.

– Да верим, верим, Николаич! – успокоил его Саша. – Рассказывай!

– Так вот, жил Серёга у меня тут в июле, лет пять назад. Книгу о губернаторе писал. Гостил с женой своей. Влада зовут. Молодая девчонка, задорная. С парнями моими подружилась. А писатель-то постарше, мой ровесник. Спокойный такой, неспешный. Так замечательно мы с ним время проводили! Рыбалка, ушица на костерке... Вечером посидим с ним, покурим, за жизнь поговорим... Вечера тёплые. Благодать! Только книга у него никак не сочинялась. Он уже к ней и с того боку подойдет, и с этого. Не идёт никак работа! Ну мне-то всё равно. Живи! Главное – компания есть.

И вот живёт Сергей у меня две недели уже. От нечего делать прикормил нашего барана. То пряником его угостит, то печеньем. Гитлер и повадился к моему гостю ходить попрошайничать. И как-то с утра сидит писатель на крыльце, покуривает в задумчивости. А барашек уже за угощением пришёл. Ждёт. Но Серёга по сторонам не смотрит, думу думает, коленку больную потирает (суставами страдал). Гитлер ждал, ждал, решил о себе напомнить. Подкрался сбоку – и басом ему: «Бе-е-е!» Тот от неожиданности как подскочит! Как давай вокруг дома бегать! О коленке своей забыл! Круга три навернул! А Гитлер – за ним! Ну умора! После пробежки гость мой в дом заскочил – и к компьюте-

ру! И как его прорвало! Начал писать! Попёрло у него! Две недели почти из дому не выходил. Мне уже скучно без Серёгиной компании. А Влада говорит: «Не трожь! Пишет! Вдохновение!»

Николаевич торжествующе поднял палец вверх:

– Поняли? А всё Гитлер! Простимулировал, язвы его душу, мать!

– Так он, можно сказать, соавтор? – пошутила я.

– Да-а-а, соавтор... – с улыбкой подтвердил Пётр Николаевич. – Так и прожил он у меня до самой смерти... Гитлер овец. Не поднялась рука заколоть-то...

Перед нашим отъездом новый товарищ пообещал пригласить нас в гости, когда придет А., писатель из Москвы. Познакомить.

– А впрочем, приезжайте когда захотите! – пригласил на прощание Николаевич.